

Ф. ПАНФЕРОВ*

Твердой поступью**

В тысяча девятьсот девятнадцатом году мы из Саратова на VIII съезд партии ехали восемнадцать дней: то не хватало топлива для паровоза, то вдруг машинисты уходили в деревню и гуляли там день-два, то вдруг начинали гореть буксы. Наша делегация поместилась в отдельном вагоне, заняв одно купе буханками черного хлеба, другое — мясом, целой коровьей тушей. Через несколько дней у нашего вагона загорелись буксы — не было масла, нечем было их смазывать. Железнодорожное начальство предложило другой вагон, переполненный пассажирами. Мы отказались. Но буксы выли, как самые громкие сирены, тревожили, беспокоили, не давали спать. У нас был мешок со стеариновыми свечами. Стали тискать свечи в коробки буксов. Вагон трогался. Проходило десять, пятнадцать минут, и буксы снова начинали выть. Тревожила и другая опасность — в Тамбовии «гуляла» банда Антонова.

Разруха, разгильдяйство, мешочники, и со всех сторон на страну наседали колчаки, Юденичи, Деникины.

Но вот и Москва.

* *Фёдор Иванович Панфёров* (1896–1960) — советский писатель, один из руководителей РАПП, главный редактор журнала «Октябрь» (с 1931).

** Советский моряк. 1959. № 7. С. 2–3.

Выйдя из вагона, на всякий случай захватив с собой по буханке хлеба, мы облегченно вздохнули: наконец-то прибыли в столицу! Сейчас трамвай довезет нас на Садово-Каретную в Третий Дом Советов, там передохнем — и утром в Кремль, на съезд...

Выходим на площадь. Она не очищена от снега, вся в кочках и ямах. В воздухе вонючая гарь. Трамваи не ходят. Изредка только проносится одинокий вагон с отбитыми подножками — это чтобы не садилась в него, — переполненный дровами и бочками.

Мы постояли, посмотрели на площадь, и руководитель нам сказал:

— Видно, пешком придется.

И мы от Павелецкого вокзала отправились на Садово-Каретную. Москва!

Изябшая, голодная Москва...

Улицы не чищены, редко горит электрический свет, в домах холодно, магазины пусты и закрыты, извозчики на клячах.

Грустная Москва, нищая Москва, промерзшая Москва...

Но такая же разрушенная, истерзанная империалистической войной и вся полуголодная страна.

На что мы надеемся?

В самом деле — не фанатики ли мы?

Вот эти гнетущие мысли овладели нами, когда мы шагали по кочкастым, грязным, провонявшим какой-то гарью улицам Москвы.

...Кремль.

На его башнях еще красуются золотые орлы.

Мы входим в зал. До открытия съезда еще около часа. По мандатам выдают книги. Жадно забираем все, что можно. Затем через узкое окно смотрим на кремлевскую площадь и ждем — скоро придет Владимир Ильич Ленин.

Увидеть Владимира Ильича собственными глазами — какая это радость!

Ведь мы, молодые большевики, до сих пор не видели его, хотя жадно читали, изучали его статьи, а книги «Пролетарская революция и ренегат Каутский», «Государство и революция» являлись нашими путеводителями в сложной, еще неведомой практической деятельности становления нового государства.

И вдруг кто-то до крика шепчет:

— Ильич!

И все, кто был в зале, хлынули к окнам.

Легко, накинув на плечи пальто, площадь пересекает Владимир Ильич Ленин. Он что-то говорит своему соседу, то и дело взмахивая рукой. Сосед слушает его, шагая в ногу, и через очки смотрит ему в лицо.

Ленин!

Какой он могучий!

Смотришь на него отсюда, из окон Колонного зала, — и кажется: больше Ильича ростом на земле человека нет. У него огромная, с большим лбом голова, широкие, могучие плечи, крупный, уверенный и твердый шаг.

Да, такой вождь сломит любого врага.

Но что ему говорит идущий рядом с ним человек? Возможно, он высказал наши тревожные мысли:

— Не фанатики ли мы, товарищ Ленин? Чем и как будем бить врага? И вот этого, внутреннего: железнодорожный транспорт почти не работает, водный закован во льды, магазины закрыты, в Москве не достать и осьмушки хлеба, не говоря уже о масле, мясе, сахаре. Фабрики и заводы почти не работают. Жутко становится на душе, товарищ Ленин.

Возможно, это и сказал идущий рядом с Ильичей человек. И Владимир Ильич, резко взмахивая левой рукой, видимо, возражает ему.

...Зал переполнен.

На небольшой сцене видны руководители партии.

Все — и делегаты в зале, и люди на сцене — в напряженной тишине ждут Ленина.

Из-за кулис стремительно к трибуне подходит Ильич.

Да нет, он даже ниже среднего роста. У него только такая огромная голова, со светящимся, как солнце, лбом, небольшая бородака и острые, всевидящие глаза. По всему видно — он очень занят государственными делами, каждая минута и даже секунда у него на счету. А мы бурей аплодисментов встретили его и не умолкаем. Он чуточку поморщился, махнул рукой в нашу сторону, как бы говоря: «Хватит, товарищи, не тратьте время попусту». И мы на какой-то миг оборвали аплодисменты. Ильич одобрительно улыбнулся, и делегаты, помимо своей воли, послушались его, бурей аплодисментов потрясли зал.

Нет, нет!

Я не смогу сидеть где-то в задних рядах. Нагнувшись, перебегаю вперед, легонько толкаю в плечо делегата, сидящего с краю в первом ряду. Он любезно потеснился, и я на расстоянии пяти-шести метров вижу за трибуной Ильича.

Он опять передо мной, могучий и мощный. Светится лоб, большие глаза чуть вприщур, но они пронизывают меня и всех нас. Они родные, близкие, как будто всегда и постоянно видимые нами. Говорит он без всяких выкрутасов, чуть картавя, глухим, басовитым голосом.

Я внимательно слушаю Владимира Ильича, и мне кажется, что он высказывает мои мысли. Да, да, вот так думал и я. Но тут же опровергаю себя: да нет. У меня, конечно, было что-то смутное. Но почему же мне кажется: что-то подобное я где-то говорил?

Во время перерыва я расспрашивал делегатов, какое у них впечатление от выступления Ильича.

Все в один голос утверждали:

— Наши думы высказал! — в чем и были глубоко уверены, но вскоре выяснилось, что мы, практические созидатели Советской власти, приблизительно и довольно туманно думали о том же самом, что высказал Ленин.

Так он народен, наш Владимир Ильич.

А он говорит, косо вскидывая правую руку:

— Крестьянину, который не только у нас, а во всем мире, является практиком и реалистом, мы должны дать конкретные примеры в доказательство того, что «коммуния» лучше всего.

— Если бы мы могли дать завтра 100 тысяч первоклассных тракторов, снабдить их бензином, снабдить их машинистами (вы прекрасно знаете, что пока это — фантазия), то средний крестьянин сказал бы: «Я за коммунию» (то есть за коммунизм).

Мы знаем хозяйственное, политическое и военное положение нашей страны: поля почти не засеваются, рабочие выпускают зажигалки — в виде танков, пушек, снарядов и так далее. Транспорт? Восемнадцать дней ехали из Саратова до Москвы — это вместо полутора суток...

Ильич, конечно, все это знает лучше нас, и, однако, вон он о чем:

— Если деревне дать сто тысяч тракторов! Признаться, мы не видели трактора. Что это за штука такая? Хоть бы посмотреть! А Ленин — сто тысяч. Раз они произведут такой переворот в умах крестьян, то рабочий класс, безусловно, эту «фантазию» превратит в быль. Не теперь — так завтра, не завтра — так через год, два, но тракторы поползут по крестьянским полям.

Они преобразуют эту старую, материально нищую Русь, где землю все еще ковыряют сохой и редко самой «крупной машиной» — двухлемешным плугом.

Временами хочется крикнуть:

«Трудно ведь, Ильич! Страна оголена!»

А он свое:

— Бодрость! Больше бодрости: силы народа неиссякаемы. Народ пробудился только ныне. Умейте находить эти силы и направляйте их на использование неисчерпаемых богатств природы.

Владимир Ильич говорит, временами хмурия солнечный лоб, сердится, и мы хмурим лбы, сердимся. А вот он захохотал над наи-

вным заключением противника. И как хохочет! Громко. Раскатисто. Убийственно.

Я, содрогаясь, думаю:

«Ох! Если он так захохочет надо мной... Умру!»

Но Ленин хохочет не над нами, а над такими, как Карл Каутский. Как он его отстегал в своей книге «Пролетарская революция и ренегат Каутский»!

Нам же Ильич — все свое внимание, все свои думы, мысли, мечты.

— Действуйте, товарищи: история за нас.

Владимир Ильич тогда нас так вдохновил, что мы забыли промерзшую Москву — перед нами предстала вся наша необъятная страна с ее неисчерпаемыми богатствами природы и исполинскими народными силами.

Вернувшись со съезда партии, мы, вдохновленные Ильичей, засучив рукава принялись восстанавливать хозяйство, или, как говорили тогда, «по-революционному бить разруху».

Мы все, особенно молодые большевики, были уверены — вот-вот заживем при коммунизме. В нас жила неугасимая вера в светлое будущее, вселенная в нас гениальным Владимиром Ильичей Лениным, — и мы шли в бой против колчаковцев, насмерть стояли за Советскую власть...